

ОТРАЖЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ «AETERNITAS ROMAE» В ТРУДАХ ПОЗДНЕЛАТИНСКИХ АВТОРОВ**Е.В. ЛИТОВЧЕНКО***Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет**e-mail: Litovchenko@bsu.edu.ru*

Статья посвящена проблеме отражения концепции «Aeternitas Romae» в ментальности языческих и христианских писателей позднеантичной эпохи. Автор приходит к выводу о том, что, несмотря на нестабильную политическую ситуацию, и даже падение Рима, а также принятие христианства большинством латинских авторов в период с IV по VI вв., в их сознании продолжали господствовать языческие культурные установки, значительное место в которых занимала «имперская идея» и концепция «Вечного Рима», поскольку это являлось последним основанием для поддержки ощущения стабильности и порядка на фоне политического коллапса.

Ключевые слова: поздняя античность, литераторы-интеллектуалы, риторическое образование, менталитет, концепция «aeternitas Romae», имперская идея, классическая традиция.

Поздняя античность, один из самых сложных для восприятия и исследования период античной истории, в первую очередь, в силу неоднозначности проходивших в то время процессов, является «классическим» примером преодоления кризисных моментов в истории цивилизации, что, безусловно, актуально для современного общества.

Интерпретация этих процессов современниками представляет для исследователя большой интерес, поскольку позволяет взглянуть на ситуацию того времени глазами очевидцев. Среди них особое место принадлежит группе так называемых позднеантичных интеллектуалов¹, оставивших нам свидетельства происходящего в исторических сочинениях, поэтических произведениях, письмах. Этих людей отличали высокое социальное положение и имущественный статус, в большинстве своем они принадлежали к политической верхушке общества и, самая главная характеристика – высокий образовательный уровень, предопределявший занятия литературой как основное увлечение на протяжении всей их жизни².

Главным средством сохранения классического наследия, значительную часть которого составляла концепция «Вечного Города», и его проводником будущим векам была позднеантичная система риторического образования. Риторическая школа, воспитывавшая своих питомцев на великих примерах прошлого – произведениях Вергилия, Горация, Овидия, способствовала формированию единого для всех представителей интеллектуальной элиты «кодекса» не только литературного творчества, но и поведения в целом³. Большинство позднелатинских авторов, представителей слоя аристократов-интеллектуалов, являлись воспитанниками риторической школы, роль которой для сохранения античной языческой культуры трудно переоценить.

Падение государства на Западе в 476 г. можно считать концом позднеантичной цивилизации, если принимать государственность в качестве важнейшего ее элемента. Но

¹ В античности подлинным интеллектуалом считался, как правило, тот, для кого умственный труд и интеллектуальное творчество были не профессией или источником существования, как для античной интеллигенции, а, скорее, своего рода образом жизни, экзистенциальной тягой к поиску вечных истин (Подробнее см.: Довженко Ю.С. К уточнению смыслового поля понятия "интеллектуальная элита античного мира" // Интеллектуальная элита античного мира. Тезисы докладов научной конференции 8-9 ноября 1995 г. Режим доступа: <http://www.centant.pu.ru/centrum/publik/confcent/index.htm>).

² В большинстве своем это представители позднеримского нобилитета, писатели и поэты, Авзоний, Павлин Ноланский, Рутилий Намациан, Сидоний Аполлинарий и др.

³ Бойко Н.В. Галло-римская аристократия IV века: социокультурный и личностный модусы / Автореф. канд. дисс. Ярославль, 2006. С. 16.

второй по значимости элемент – языческая в своей основе культура – еще целое столетие существует как самостоятельный пласт культуры раннего средневековья⁴.

В произведениях языческих писателей мы видим золотовенчаный вечный Рим, гордящийся своей былой славой и благочестием, верный древним богам, сделавшим его своим избранником и даровавшим ему великую миссию господства над миром. Об этом пишут поэты Авсоний, Клавдиан, Рутилий Намациан. Об этом же свидетельствует и переписка крупнейшего государственного деятеля того времени Квинта Аврелия Симмаха⁵.

Определяющим положением в формировании менталитета позднеримских интеллектуалов выступал «римский миф», в рамках которого сложилось представление о Риме как об избранном богами, «Вечном» городе, «*Aeternitas Romae*». «Римский миф» являлся базой и, во многом, «строительным материалом» для развития «имперской идеи».

Предпосылки формирования идей о Риме как вечном городе связаны, прежде всего, с эволюцией Римской республики и началом эпохи принципата. До середины II в. до н.э. развитие римского общества было связано с неуклонным ростом мощи и могущества Рима и расширением его границ на фоне многочисленных внешних столкновений и неизжитых внутренних противоречий⁶. Чтобы победить в войнах с соседями в Италии и далеко за ее пределами римская община должна была сплотиться и самоорганизоваться – внутренние противоречия ограничивались определенными рамками, поэтому основным принципом и целью большинства римлян стало общественное благо родины⁷. Широко культивировались воспитание доблести и патриотизма. Кроме того, римское общество было основано на аграрной гражданской общине⁸, что способствовало консервации традиционных ценностей, представлений, почитанию прошлого, верности заветам предков. В результате вся традиционная система ценностей римского гражданина была подчинена идее его прямой и неразрывной связи со многими предшествующими поколениями римлян, отдавших свои силы и жизни величю и процветанию Рима. Таким образом родился «римский миф» – представления о Риме как об избранном богами городе и превосходстве его над всеми остальными⁹. В дальнейшем, по мере роста роли Рима и его возвышения, происходила разработка и углубление интересующего нас культа (*Polyb. Hist. VI.10, 18; Cic. De re publ. II.23, 37; III.24-25; V.7; Verg. Bucol. IV; Aen. I.275-282; Horat. Carm. Saec. 65-68; Ovid. Nas. Metamorph. XV. 439-450; Tit. Liv. XXVIII.11.4 etc.*).

Традиционно считается, что впервые словосочетание «*Aeternitas Romae*» употребил римский элегический поэт Тибулл (55-19 гг. до н.э.). Свою пятую элегию он посвятил сыну Мессалы¹⁰ Мессалину в связи с возведением его в звание жреца коллегии пятнадцати. В ней он говорит и о будущем Рима, о его величии, о том, что власть его будет простираться от стран, где начинается день, до той реки, в волнах которой солнце купает своих усталых коней¹¹. Именно здесь представлен эпитет «вечный» Рим:

...Ромул еще не сложил те стены вечного града,
Где поселиться не смог вместе с ним брат его Рем...

(*Alb. Tib. Eleg. II.V.23*).

Идея могущества Рима выражена в строках: «... Рим, для подвластных земель роковым твоим имя пребудет...» (*Ibid. II.V.57*).

Не углубляясь в анализ процесса эволюции «имперской идеи» и связанной с ней концепцией «вечного Рима», поскольку поле нашего исследования находится в пределах более поздних хронологических рамок, отметим лишь, что идея величия и вечности Рима и его провиденциальной миссии в эпоху Империи сливается с миссией самого Августа

⁴ Подробнее об этом см.: Уколова В.И. Античное наследие и культура раннего средневековья. М., 1989. 320 с.; Smith J. Europe after Rome: A New Cultural History, 500-1000. USA, 2007. 384 p.

⁵ Уколова В.И. Указ. соч. С. 13.

⁶ Колобов А.В. Этапы развития «римского мифа» // Античный вестник. Омск, 2000. С. 35-36.

⁷ Чернышев Ю.Г. Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» в Древнем Риме. Ч. I. До установления принципата. Новосибирск, 1994. С. 22.

⁸ Ростовцев М.И. Общество и хозяйство Римской империи. В 2 т. СПб., 2000. Т. I. С. 27.

⁹ Колобов А.В. Указ. соч. С. 36.

¹⁰ Поэт входил в литературный кружок Корвина Мессалы, который в противоположность кружку Мecenата не преклонялся перед цезаризмом, а, наоборот, выражал скрытую оппозицию ему.

¹¹ Лосев А.Ф. Античная литература. М., 2005. Режим доступа: <http://greekroman.ru/lib/crit/antlit01/13.htm#razdel38>.

(легенда монеты *Aeternitati Avg.*¹²), сама верность государству в те времена воспринималась как своего рода религиозное поклонение¹³ (император как *lex animata in terris*). Эта идеология во многом предопределила дальнейшее развитие духовной жизни общества. С особенной силой она отражена в творчестве поэта Авзония (*Auson. Cons. Orat., 1-10, 30*).

Что же касается отражения интересующих нас идей в нумизматическом материале, то символ *Aeternitas* впервые появляется на монетах при Веспасиане и фигурирует на денежных знаках всех императоров вплоть до начала IV в., изображаясь с Луной, рогом изобилия, Солнцем. С императора Адриана, введшего культ *Roma Aeterna*, – с божествами: Церерой, Юноной, Фортуной¹⁴.

Кроме прочего, одно из центральных мест в содержании имперской идеологии занимает появившееся еще в классической античности положение о противопоставлении своего мира и чужого¹⁵. Это закрепляется в традицию и существует достаточно долго. Поскольку имперская идея подразумевает бескомпромиссную борьбу с конкурентами, то для империи неизбежна и даже обострена необходимость сопротивления культурному и военному натиску извне, олицетворением которого выступают варвары (например, в «Энеиде» Вергилия (*Verg. Aen. VI*)). Данный тезис ярко иллюстрирует и демонстрируемое позднеантичными авторами отношение к варварскому окружению (*Auson. Cons. Orat., 30-35; Sid. Carm. 12; etc.*).

Таким образом, предпосылки идеи «Вечного города» складываются еще в эпоху Республики, когда формируются представления о Риме как богоизбранном городе, который должен был объединить все народы, что связано с быстрым ростом могущества Рима на фоне сильной религиозной составляющей в жизни римлян. В дальнейшем идеи «римского мифа» развиваются в произведениях различных писателей и государственных деятелей. Появление концепции «Вечного Рима» связано с началом принципата, когда императоры, стремясь легитимизировать свою власть, опирались на культ Рима, переплетая с ним культ Августа. Именно после реформ Августа Рим заговорил о себе как о Граде вечном (*Urbs aeterna*: напр., *Amm. Marc. XIV. 6, 1*) и Граде последнем. Здесь явно проявлялись эсхатологические настроения времен империи, но одновременно такие претензии были связаны с представлениями о достижении вершины возможного развития человечества, «конце истории». Рим как «единственный Космополис» Ойкумены предлагал «мир» и «справедливость» всем людям и народам, находившимся под его господством¹⁶.

Обращаясь к позднеантичному периоду, необходимо отметить, что со времени Константина закладывается союз государства и христианской церкви, христианство начинает превращаться в государственную и мировую религию. Официальной государственной идеологией державы был лозунг «христианской империи». В течение IV в. культ императора растворился в христианском монотеизме, и император стал Божьим наместником на Земле¹⁷. Но пока сохранялась Западная империя, сохранялся и прежний *Pax Romana*. Лишь после ее падения воцарился *Pax Christiana* как модифицированный *Pax Romana*.

С появлением и усилением христианства новая религия, преодолев прежние культы и мифологические системы, становится «имперской» религией. Вместо прежних «земных» ценностей (патриотизм, служение роду, семье, гармоническое развитие, самосовершенствование и т.д.) приходят новые ценности, с ориентацией на «Небо» (Небо, Бог – здесь выражение надклассовости, космополитизма, универсализма, общечеловечности)¹⁸.

¹² Абрамзон М.Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М., 1995. С. 382.

¹³ См.: Штаерман Е.М. Кризис античной культуры. М., 1975. С. 79; Пиков Г.Г. Исторические термины и историческая действительность (Империя как феномен европейской истории) // Гуманитарное образование в Сибири. Новосибирск, 2000. С. 112.

¹⁴ Штаерман Е.М. Социальные основы религии Древнего Рима. М., 1987. С. 269.

¹⁵ Семичева Е.А., Сержко Т.А. «Свой – чужой» в представлениях древних греков о пространстве и человеке // Ирисиона. Античный мир и его наследие. Вып. 3. Белгород: БелГУ, 2006. С. 5-9.

¹⁶ Пиков Г.Г. Указ. соч. С. 105.

¹⁷ Подробнее об этом процессе см.: Bowersock G.W. From emperor to bishop: The selfconscious transformation of political power in the IV-th century A.D. // *Classical Philology*. 1986. Vol. 81. № 4. P. 298-307; также: Pelikan J. *The Excellent Empire. The Fall of Rome and the Triumph of the Church*. San Francisco, 1987.

¹⁸ Пиков Г.Г. Указ. соч. С. 109.

Однако, большая часть представителей римской аристократии на первое место по-прежнему определяет «старые» ценности, не мысля свое существование вне рамок империи, а Рим в их сознании олицетворял могущество и процветание государства. Данный стереотип был настолько силен, что, в то время как Рим уже давно перестал быть «центром мира¹⁹», «первым среди равных», вера в его объединяющую роль и блестящее будущее продолжала сохраняться в душах его почитателей: «...но по всем, сколько их ни есть, частям земли чтят Рим, как владыку и царя, и повсюду в чести и славе седина сената и имя римского народа» (*Ann. Marc. XIV. 6, 6*). Симмах ставит в заслугу Риму объединение под своей властью всего рода человеческого. Рим – это *genetrix hominum* (мать людей), ибо он объединил под своей властью людей всего мира²⁰. Римляне в гораздо меньшей степени дали новой вере отнять у себя свою гордость величием «латинского имени». Латинский христианский поэт Аврелий Пруденций Клемент (348–413 гг.) не боится в своем гимне мученику Лаврентию описывать христианизацию Рима как его очередной триумф (*Lib. Peristeph.*):

Отчизна древних идолов,
Рим, ныне чтущий Господа,
Триумф духовный правишь ты,
Приняв вождем Лаврентия²¹!

Лаврентий оказывается доблестным римским гражданином, наследником Регула, его стойкость в мучениях изображена так, как если бы он был вторым Муцием Сцеволой, его небесная слава описана в традиционно-римских понятиях:

Увенчан ты блистательным
Венцом гражданской доблести.
Причтен к небесной курии²².

Языческая аристократия рассматривала кризис как временное явление, а идея «Вечного Рима» использовалась ими как альтернатива христианству, но и среди христиан, как мы уже убедились, она все еще пользовалась популярностью, несмотря на злостные обличения пороков римского общества. И здесь, вероятно, самое показательное свидетельство – это слова св. Иеронима (340–420 гг.) о шоке, который он испытал при получении вести о падении Рима перед Аларихом, находясь тогда в отдаленном Иерусалиме. Церковь полагается на божественную благодать, и ее не должны интересовать дела земные, тем более она никак не может связывать с ними своих надежд. И все же известие так потрясло Иеронима, что некоторое время он был не в состоянии заниматься богословием²³. Иероним был уверен, что падение «Вечного города» поведет за собой по этим причинам гибель всего мира и конец земного существования людей: «Покорен город, который покорил всю вселенную... Погас светоч мира, и с падением одного города погибло все человечество» (*in una urbe totus orbis interiit*). Поэтому-то, по его мнению, и близко время Антихриста.

Однако, несмотря на все потрясения, раз за разом, государству удавалось выживать: после кризисного III века, с установлением системы домината при Диоклетиане и его преемниках, империя получила возможность сохранять устойчивое положение еще почти целое столетие. Однако в V в. от этого равновесия не осталось и следа. Вопреки названию *invictissimi* (непобедимый), которым любили похваляться императоры, большая часть Европы оказалась во власти варваров. Императорская власть, переходя из одних рук в другие, дискредитируя сам институт, постепенно утрачивает свой авторитет. Но, возможно, никогда еще Римская империя не была столь значима в качестве центра континента, как в эпоху своего заката. Это осознавали все, хотя для одних империя была

¹⁹ Уже к началу IV в. Рим перестал быть политическим центром не только всей Римской империи, но и западной ее части. В качестве резиденций императоры использовали теперь Милан, Трир, Константинополь или Равенну.

²⁰ Пиков Г.Г. Указ. соч. С. 108.

²¹ Цит. по: Аверинцев С.С. Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от античности к Средневековью // Из истории культуры средних веков и Возрождения. М., 1976. С. 18.

²² Там же. С. 19.

²³ Тойнби А. Постигание истории: Сборник / Пер. с англ. Е.Д. Жаркова. М., 2001. С. 500.

врагом, которого нужно сразить, для других – пространством для оккупации, для третьих – традицией, которую еще нужно было защищать²⁴.

В сочинениях Авзония (ок. 310 – ок. 394), жизнь которого приходится на период временной стабилизации в империи, начавшейся с правления Диоклетиана и Константина, жива идея вечности империи и олицетворявшего ее Рима («Рим золотой, обитель богов, меж градами первый», «Ах, прости меня, Рим, прости меня, мощный» (*Aus. De open.; De urb. 1*)); границы империи еще крепки, и императоры справляют триумфы в честь пограничных побед: «Благодарение мое<...>воздается<...> государю могущественнейшему – за один год умиротворил он и рейнскую границу и дунайскую...» (*Auson. Orat. Laud. ad Caes. Grat. 2, 7*).

Отношение Авзония к варварам довольно благодушное, с позиции сильного:

Укрошены враги: там франки со свевами спорят,
Кто покорней, желая служить под римским оружием;
Там к савроматской бродячей орде прибавились гунны;
Там налетают на Истр в союзе аланы и геты
(Это мне вести несет быстрокрылая наша Победа) –
Но император грядет, венец наших почестей близок, –
Кто в соучастники взят, тех ждет по заслугам награда.

(*Auson. Cons. Orat., 30-35*).

Когда Авзоний умирал, до германских вторжений в Галлию оставалось каких-нибудь десять лет. Разумеется, он не предполагал такого варианта развития событий в будущем, при котором варвары войдут в Город, хотя его стихи отражают все более усиливающийся натиск на границы империи, чувство безысходности в его произведениях отсутствует: «В Илирике гремит война, а ты обдумываешь, какие гражданские убранства мне предложить. Сам в панцире, размышляешь о моей тоге. Опоясанный мечом для боя, ты примериваешь пальмовый узор по кромке моей тоги. Добрый знак! Ибо это самое облачение, которое в мире носят консулы, в победе носят триумфаторы» (*Auson. Orat. Laud. ad Caes. Grat. 11, 52*).

Таким образом, к V веку, несмотря на упадок и, казалось бы, приближающийся закат, было достигнуто осознание исторической роли Рима, не известное «золотому веку» империи. Чтобы проиллюстрировать данное утверждение, достаточно сравнить строки из Вергилия (*Aen. VI*): *Tu regere imperio populos, Romane, memento; / hae tibi erunt artes, pacique imponere morem / parcere subiectis et debellare superbos*:

Римлянин! Ты научись народами править державно!
В этом искусство твое, налагать условия мира,
Милость к покорным являть и смирять войною надменных.

– и фрагмент поэмы *De redito suo* («О моем возвращении») Рутилия Намациана, галло-римлянина и префекта Рима начала V века: *Fecisti patriam diversis gentibus unam, / profuit invitis te dominante capi / dumque affers victis proprii consortia iuris / urbem fecisti quod prius orbis erat*:

Для разноликих племен ты единую создал отчизну:
Тем, кто закона не знал, в пользу господство твое.
Ты предложил побежденным участие в собственном праве:
То, что миром звалось, Городом стало теперь.

(*Rut. Nam. I. 63-66*).

Прославлению Рима, утверждению вечности и незыблемости Города Рутилий Намациан посвятил строки с 47-ой по 154-ю, что сам по себе говорит о многом.

Эти тексты представляют точку зрения на две различные ситуации, которые современники оценили, каждый по своим соображениям, как успех. В первой сквозит триумфальный дух тех, кто милостью богов покорил мир, тогда как вторая является в некотором роде признанием того, что весь мир был обязан Риму. В двух этих взглядах есть нечто общее: благо права, этого прочного фундамента, на который империя опиралась на всех этапах великого завоевания и наследия²⁵.

²⁴ Мансуэлли Г., Блок Р. Цивилизации древней Европы. Екатеринбург, 2007. С. 311.

²⁵ Там же. С. 314-315.

Еще один галло-римский литератор-интеллектуал Сидоний Аполлинарий (ок. 430 – ок. 480 гг.) оставил нам в своих произведениях свидетельства, указывающие на то, что он был не только адептом имперской идеи и концепции «*Aeternitas Romae*», но и являл собой образец государственного деятеля, пытавшегося в тот сложный период воплотить их в жизнь.

Как представитель самого высшего галло-римского социального слоя Сидоний был всегда в центре главных политических событий в Галлии в последней декаде формального существования Западной империи.

Приверженность «имперской идее», заложенной в сознании Сидония еще со школьной скамьи, выражалась, прежде всего, в желании возродить былую мощь великого государства, олицетворением которого в глазах поэта являлась его родная провинция Галлия (*Sid. Epist. II, 1, 4; IV, 5, 2; 14, 1*). Эта цель, по мнению Сидония, во многом оправдывает его взаимоотношения с готами: дружеские поначалу, пока надежды его как политика были связаны с военной помощью варваров (он даже был готов простить готам их принадлежность к арианству) (*Id. I, 2, 4*); враждебные в то время, когда из союзников готы превращаются в завоевателей (в 475 г. император Юлий Непот сдает остаток территорий Галлии, включая Клермон, Эйриху, несмотря на героически возглавляемую Сидонием защиту Клермона от готской осады). В отличие от «ура-патриотической» атмосферы стихов Авзония, из сочинений Сидония мы видим, что он вынужден «жить среди полчищ волосатых», «принужден терпеть германский говор» и «против воли хвалить песенки обожравшихся бургундов» (*Sid. Carm. 12*).

Империя неумолимо двигалась к концу, и Сидоний был свидетелем этого события, хотя предпочел не оставить в своих записях ни одного свидетельства, выражающего его отношения к данному факту, но, в конце концов, Западная Римская империя рухнула. Административная основа ее не сопротивлялась гигантскому стремительному росту вторжений, ее способность к обновлению истощилась, провинции изолировались друг от друга, приобретая статус королевств, мир тогда вышел на неизвестные земли, которые разрушили равновесие, но сама идея Рима продолжала существовать как бодрящий миф, миф об общечеловеческой родине, история которой показала, что она не была невозможной мечтой²⁶.

Таким образом, несмотря на официальный конец политической истории Рима, его культура продолжала оказывать влияние на умы лучших представителей самых разных народов Средиземноморского мира. Идея вечности империи сохранялась, прежде всего, в плане преклонения перед создавшими ее «предками». Количество литературных свидетельств убедительно показывает, что в рассматриваемую эпоху пиетет перед «Вечным городом» не только не ослабел, но даже окреп в сердцах образованной элиты Запада (*Amm. Marc. XVI, 10; Paneg. lat. II, 13; IX, 19; XII, 47, 3; Aur. Vict., Caes. 28, 2; 41, 17*).

Анализируя проблему с хронологической точки зрения, необходимо констатировать практически неизменную интенсивность обращения к самой идее, но не ее содержательную однородность по вполне понятным причинам: меняется политическая ситуация, государство все неуклоннее движется к своему концу, и писать о настоящем могуществе Рима на таком фоне попросту смешно. Поэтому в трудах Симмаха, Клавдиана, Авзония (да, пожалуй, еще и у Рутилия Намациана, хотя это уже первая половина V в.) мы ощущаем надвигающуюся опасность, но видим уверенность в своих возможностях достойно отразить ее. Что же касается писем Сидония, то период его активного творчества падает на вторую половину V столетия, и он, хотя и надеется на возрождение былого величия, четко осознает, что роль Рима в качестве центра объединения безнадежно утрачена. В этом проявились основные изменения в содержании интересующей нас концепции. Сидоний связывает свои чаяния с Галлией, провинцией, откуда он родом. Во многом это неслучайно, поскольку во времена Поздней Античности самым высоким культурно-образовательным уровнем отличались именно Галлия (также как и Сев. Африка). Однако шоры иллюзии стабильности, уверенность во временном характере трудностей, за несколько лет до падения Западной Римской империи, все еще скрывают от писателя истинное положение дел. Хотя, здесь вернее будет сказать, он сам цепляется за старые идеи

²⁶ Грималь П. Цивилизация Древнего Рима. Екатеринбург, 2008. С. 424.

как за якорь, не дающий ему оторваться от прежней жизни и взглянуть в глаза стремительно надвигавшемуся новому миру и, несомненно, внушавшему страх тем, кто стоял на его пороге²⁷.

Итак, даже после падения империи концепция «*Aeternitas Romae*» долго не исчезает, продолжая свое существование в духовном наследии «последних римлян²⁸». Как писал С. Аверинцев: «... Римская империя перестала существовать «всего лишь» в действительности, в эмпирии, – но не в идее. Окончив реальное существование, она получила взамен «семиотическое» существование»²⁹.

Государственность римского образца стала эталоном для всех последующих держав Европы, стремившихся объединить под своей эгидой разные этнические общности средневековья. Римская культура (в ее позднеимперском, постклассическом варианте) долгое время являлась примером для организации различных сторон жизни европейского общества – социальной, правовой, религиозной, бытовой, эстетической.

THE REFLECTION OF THE CONCEPTION OF "AETERNITAS ROMAЕ" IN THE LATE ANTIQUITY'S WRITER'S WORKS

E.V. LITOVCHENKO

*Belgorod National Research
University*

e-mail: Litovchenko@bsu.edu.ru

This article is dedicated to the problem of reflection of the conception of «*Aeternitas Romae*» in the mentality of Pagan and Christian writers in the Late Antiquity. The author is coming to a conclusion, that the unstable political situation, the fall of Rome and the adoption Christianity by most of the Latin authors weren't change the ancient cultural lines in the Late Roman mentality. The «imperial idea» and the conception of «*Aeternitas Romae*» occupied a highly important place among Pagan cultural values, because it was the sole reason to keep the feeling of stability and order against the background of the political collapse.

Key words: Late Antiquity, literary men, intellectuals, rhetorical education, mentality, conception of «*aeternitas Romae*», imperial idea, classical tradition.

²⁷ Разумеется, речь здесь идет по преимуществу о тех, кому было что терять.

²⁸ Straub J. Vom Herrscherideal in der Spätantike. Stuttgart, 1939. S. 175–204.

²⁹ Аверинцев С.С. Другой Рим. СПб., 2005. С. 64.